

СОДЕРЖАНИЕ

СПАСТИ ДЕТЕЙ ИЗ 41-ГО.....	5
СПАСТИ ДЕТЕЙ ИЗ 42-ГО.....	263

**ВЫСТРЕЛ
В ПРОШЛОЕ
СПАСТИ ДЕТЕЙ
ИЗ 41-ГО**

Глава I

Андрей сложил правленные распечатки в стопку и постучал ее ребром о столешницу, выравнивая листы. После чего взял их и вышел в коридор, открыв следующую дверь. В соседнем кабинете у большого монитора сидел мужчина лет тридцати. Правленная рукопись легла ему на стол.

— Закончил, Саша.

— Спасибо, Андрей, — кивнул мужчина и придвинул к себе стопку. И тут же скривился: — Блин! Правки-то сколько!

Он стал торопливо просматривать листы, и с каждым новым лицом его все более мрачнело.

— Андрей, ты с ума сошел? — спросил Александр, завершив просмотр. — Ну, ладно ошибки выправить, но ты же в текст лезешь! Вот вычеркнул абзац и заменил его своим, — он ткнул пальцем в лист. — А вот еще, еще. И зачем? Ты же корректор, а не редактор.

— Вот когда редакторы будут делать свое дело, перестану заменять, — хмыкнул Андрей. — А то привыкли проверять факты в интернете. Леню задницу оторвать от стула и сходить в библиотеку, где серьезные источники, а не бред диванных экспертов из Сети. Они еще статьи в Википедии пишут. А наши рады: далеко ходить не надо, все под рукой. Скажи мне, Саша, у нас научный журнал?

— Ну, — ответил собеседник.

— Аттестован в ВАКе по четырем научным дисциплинам, включая историю, не так ли?

Саша кивнул.

— Нас читают профессора и доценты, преподаватели вузов и чиновники. Еще студенты. Ну, с этих спроса нет — они-то ни хрена не знают. И вот открывает профессор наш журнал и видит... — Андрей взял со стола листок и зачитал вслух: — В результате стремительного наступления Красной Армии в ходе операции «Багратион» войска группы «Центр» противника были деморализованы и стали массово сдаваться в плен. Только в котле под Минском оказалось свыше 100 тысяч немецких солдат и офицеров, которых после пленения провели по улицам Москвы, о чем свидетельствуют кадры кинохроники.

— И что тут не так? — удивился Саша.

— Да все, кроме того факта, что наступали мы действительно стремительно. Только немцы не сдавались и бились до последнего. В окруженном Бобруйске комендант гарнизона собрал все части, что были в городе, и повел их на прорыв котла. У них были танки и самоходки, тысячи машин и конных повозок. Но налетели наши самолеты из 16-й воздушной армии и разнесли их в хлам. Свыше пятисот бомбардировщиков и штурмовиков громили гадов. Только после этого те, кто уцелел, начали сдаваться. И то не все. Пять тысяч почти прорвались к Осиповичам, где их добились. То же было и под Минском. Там котел зачистили лишь к 12 июля. Представляешь, наши войска уже давно стояли на государственной границе СССР, а под Минском далеко в тылу еще шли ожесточенные бои. Погибли две трети окруженных немцев, и лишь тогда оставшиеся сдались, и большей частью из-за отсутствия боеприпасов и продовольствия. А знаешь, почему немцы в Беларуси попадали в котлы?

— Из-за стремительного наступления Красной Армии? — предположил Саша.

— Не только. Что, что, а быстро маневрировать войсками немцы умели хорошо. Но в этот раз не получилось. Им обрезали пути отхода, и занимались этим партизаны. У нас почему-то считают, что «Рельсовую войну» они провели только перед нашим наступлением. Как бы не так! Железные дороги уничтожались с 1943 года безостановочно, партизаны и после начала операции «Багратион» постоянно рвали рельсы в тылу немцев, затрудняя им снабжение и отвод частей с линии фронта.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Саша.

— Книжки умные читал, — улыбнулся Андрей. — Причем не только наших авторов, но и немцев тоже. В частности, Типпельскирха.

— А это что за перец?

— Командующий 12-м корпусом группы «Центр», а после — 4-й армией Вермахта. После войны заделался историком, писал о Второй мировой войне. Как все битые немецкие генералы обвинял в поражении Германии Гитлера, но ряд фактов в его книгах интересные.

— И занесло к нам в редакцию умника, — проворчал Саша. — Ты сейчас домой поедешь, а мне допоздна сидеть, твои правки вносить.

— На то ты ответственный секретарь, — развел руками Андрей, — а я всего лишь корректор. Тебе и платят больше.

— Обещал прийти сегодня раньше, — вздохнул Саша. — Влетит же мне!

— От девушки? — спросил Андрей.

— Хуже, от мамы. Обещал ей помочь по дому.

— Я могу лишь посочувствовать, — Андрей хлопнул его по плечу. — Не журися, хлопче. Мама пусть и поругает, но позже пожалеет. А девушка — сомнительно. Лучше всего — заведи собаку, она обрадуется твоему приходу в любое время. Счастливо оставаться!

В своем кабинете он накинул куртку, взял сумочку-барсетку и, заперев дверь кабинета, сбежал вниз по

лестнице. Здание, в котором находилась редакция журнала, было выстроено в форме квадрата, и внутри него находился небольшой дворик, служивший стоянкой для машин сотрудников. Вот в него и вышел Андрей. Отворив дверь, он заметил у стены двух девушек, которые курили, выпуская дым к небу.

— Здравствуйте, красавицы! — поприветствовал их Андрей. — Отравляем организм?

— Получаем наслаждение и снимаем стресс, — возразила та, которая постарше. — Присоединяйся!

— Я, пожалуй, воздержусь, — засмеялся Андрей. — Кто с тобой, Света? Раньше здесь не видел.

— Это Валя, новый наш корректор. Первый день работает, так что познакомься. Валя, это наш коллега Андрей. Между прочим, жуткий зануда.

— Клевета! — Андрей сделал вид, что возмущился. — Я всего лишь скрупулезный. Потому вы ко мне и бегаєте за советами по правописанию. Валя, ты ее не слушай! Я хороший.

— Когда спишь зубами к стенке, — отпарировала Света.

— Добрый, ласковый, внимательный, это подтвердит любая, со мной спавшая — зубами к стенке или как-то иначе, — продолжил Андрей, не выразив обиды на ее хамоватую реплику. — Но меня не ценят, обижают все, кому не лень.

— Тебя обидишь! — покачала Света головой. — Вон какой громила вырос!

— Это потому, что не курю и веду здоровый образ жизни, — сообщил Андрей. — Ладно, девочки, до понедельника!

Он достал из сумочки ключ с брелоком и нажал на кнопку. Смачно щелкнули замки у стоявшей возле крыльца «Тойоты Версо». Андрей открыл водительскую дверцу, ловко втек в салон и завел двигатель. Прогреть его не стал, и спустя минуту серебристая «тойота» выехала через арку.

— Он корректор, вправду? — удивилась Валя, проводив ее глазами. — Ни за что не скажешь! С виду...

— Здоровенный, стройный, симпатичный, — подхватила Света. — Ему бы терминатора в кино играть, а он ошибки в текстах исправляет. Бесит! Но, между прочим, очень хорошо справляется, мы вправду консультируемся с ним в сложных случаях.

— Впервые вижу корректора-мужчину, — сообщила Валя.

— Да и я других не знаю, — сказала Света. — Женская работа. Только мой тебе совет, Валюша: не слишком-то заглядывайся. Ничего не выйдет — убежденный холостяк. Ему многие тут глазки строили, но только все без толку.

— Что, такой жених завидный? — усомнилась Валя.

— Двадцать восемь лет, не пьет, не курит. Круглый сирота, собственный дом в Ратомке, на «тойоте» ездит...

— Ну, машина у него не новая.

— А у нас с тобою нет и такой.

— Дом в деревне...

— В поселке рядом со столицей. Дом кирпичный, все удобства. Между прочим, он его купил, продав квартиру в Минске. От бабушки досталась. Сотрудники его редакции там были, он день рождения справлял, так говорили: сказка! Не дворец, конечно, но сравнить с панелькой в Минске... Дом из кирпича, просторный. Двор, мощенный плиткой, есть гараж, сарай — и тоже все из кирпича. Садик, крытая терраса. К тому же деньги водятся. Где он их зарабатывает, неясно, говорит, что в интернете. Совсем не жадный. Для сотрудников заказал микроавтобус, завез их в Ратомку, где они там ели шашлыки. И другой еды хватало. Пили, ели, танцевали, а потом микроавтобус всех отвез обратно в Минск. Люди были так довольны!

— А тебя туда не приглашал?

— Я в другой редакции работаю, — вздохнула Света и швырнула в урну дымящийся окурок. — Ладно, Валя, нас работа ждет...

Андрей тем временем выехал на Энгельса, с нее свернул на улицу Ульяновскую. Пересек площадь у железнодорожного вокзала, проехал по Бобруйской и, немного постояв в заторах (пятница, вторая половина дня), выбрался на Тимирязева. Здесь уж ехал прямо, не сворачивая, пока за Минским морем не показался съезд в поселок Ратомка. Там он, попетляв по улочкам, остановил «тойоту» в переулке у ворот из темно-вишневого металлопрофиля, к которым примыкал глухой забор такого ж цвета. Над его краем возвышалась крыша дома, крытая металлочерепицей в тон забору. Чуть дальше от ворот стояли два автомобиля: черный внедорожник BMW и белый грузовой микроавтобус с московскими номерами. Едва Андрей вышел из «тойоты», как распахнулась дверца внедорожника, из него выбрался и заспешил навстречу немолодой мужчина с коричневой дорожной сумкой на ремне.

— Здравствуйте! — сказал он, подойдя поближе. — Вы Андрей Сергеевич? Мы договаривались встретиться.

— Георгий Станиславович?

— Да, — кивнул мужчина.

— Что же, здравствуйте, — Андрей пожал протянутую ему руку. — Только я ждал вас завтра.

— Не утерпел, — Георгий Станиславович улыбнулся. — Надеюсь, не продали?

— Нет, — ответил Андрей. — Ведь я же обещал. Машина здесь, сейчас увидите. Механик с вами?

— Да, — кивнул мужчина. — Николай!

Из микроавтобуса выбрался мужчина средних лет, плотный, коренастый, одетый в спецодежду. В руке нес инструментальный ящик. Подойдя, он поздоровался за руку.

— Прощу!

Отперев замок калитки, Андрей впустил во двор гостей и, подведя их к гаражу, нажал кнопку на брелоке. Негромко зажужжал мотор, и секционные ворота неспешно поползли вверх. Когда проем открылся до конца, Андрей

зашел в гараж и выкатил наружу окрашенный серой краской мотоцикл с коляской.

— Вот он, красавец! — сказал гостям. — Не бит, не крашен, дедушка по воскресеньям в церковь ездил. BMW R71.

— И даже с номерами! — восхитился Георгий Станиславович. — Аутентичными. Где делали?

— Родные, — сообщил Андрей.

— Не может быть!

— Проверьте.

— А кофры сзади?

— Да все родное. Я не обманываю покупателей. Пусть Николай проверит.

Георгий Станиславович кивнул механику. Тот поставил ящик рядом с мотоциклом, открыл и стал раскладывать инструменты.

— В коляске сумка с ЗИПом, — сказал Андрей. — Оригинальным. На случай, если не найдете подходящих расходников. Георгий Станиславович, прошу вас в дом. Чай, кофе?

— Лучше кофе, — ответил покупатель. — Черный, но не слишком крепкий. Без молока и сахара. И, если можно, сядем на террасе. Хочу посмотреть на этого красавца.

— Как скажете, — Андрей пожал плечами и скрылся в доме. Через несколько минут он вышел с небольшим подносом, на котором дымились паром две небольшие чашки. Поставив их на столик, он сел и взял свою. — Угощайтесь!

— Хороший кофе, — сказал Георгий Станиславович, отпив глоток.

— Я не бариста, но кое-что умею, — сказал Андрей.

— Могу я вас спросить?

— Пожалуйста.

— Где вы берете мотоциклы в подобном состоянии? Ведь столько лет прошло после войны! Да, Николай пока что проверяет, но даже я прекрасно вижу, что мотоцикл не восстановленный. Я в этом разбираюсь.

— Коммерческая тайна, — Андрей пожал плечами. — Но намекну: мы с вами в Беларуси. По ней война катилась дважды: сначала на восток, потом обратно. Три года оккупации. Трофейного железа осталось море. А белорусы — народ запасливый. Не раз бывало: люди покупают дом после умерших стариков и начинают наводить порядок. Находят арсеналы: винтовки, пистолеты, патроны — и все в приличном состоянии. Об этом много в интернете пишут.

— Понятно, — кивнул Георгий Станиславович.

— Но оружие я не беру и вам не предлагаю. За это слишком суровая статья в Уголовном кодексе — и в нашем, и в российском. Как говорил Остап Бендер, чту кодекс.

Застрекотавший двигатель прервал их разговор. Потягивая кофе, они смотрели, как Николай газует, проверяя мотор на разных оборотах. Затем механик сел в седло и прокатился по двору. Остановившись у террасы, он выключил зажигание, после чего слез с мотоцикла и подошел к их столику.

— Георгий Станиславович, — сказал, явно волнуясь, — да это чудо. Я прежде никогда не видел немецких мотоциклов в подобном состоянии. Родная краска и резина — тоже. Причем нисколько не потрескалась. В инструментальной сумке лежат родные свечи, насос ручной, немецкий того времени. Есть мелкие нюансы: переднее крыло слегка помято, царапина на бензобаке, но это мелочь. Рекомендую брать.

— Спасибо, Николай, — кивнул Георгий Станиславович. — Открой ворота и заводи во двор к нам бусик. А я тем временем с владельцем рассчитаюсь.

После того как Николай ушел, Георгий Станиславович достал из сумки упаковку с банкнотами красно-коричневого цвета, затянутую в пленку, и положил ее на стол.

— Пять миллионов, как и договаривались.

Взяв их, Андрей маленьким складным ножом вскрыл банковскую упаковку, проверил каждый корешок* с банкнотами на отсутствие в нем «куклы». Затем достал из каждого по одной купюре и рассмотрел их на просвет.

— Не доверяете? — спросил Георгий Станиславович.

— Доверяй, но проверяй, как завещал товарищ Рейган, — ответил Андрей, — хотя он нам, конечно, не товарищ. Я эти деньги понесу в обменник и, если попадетсЯ хоть одна фальшивая купюра, меня ждут неприятности. Обыск дома, а после на работе. Мне это надо?

— Мне тоже без нужды, — сказал Георгий Алексеевич. — Ваша милиция столкнется с нашими, после чего ко мне придут товарищи в фуражках. Поэтому я специально попросил знакомых в банке, чтобы дали пять миллионов эмиссионными купюрами, которыми еще не пользовались. Заметили?

— Да, — ответил Андрей. — Там даже муха не сидела.

— Я мог бы заплатить безналом, но вы не захотели.

— Тогда бы пришлось оправдываться перед органами, что я не террорист и не получаю деньги для финансирования оппозиции. Все банковские переводы из-за границы под контролем. Нет, отбрехался бы, конечно, но душу б вымотали. Зачем такое удовольствие?

— Да, строго тут вас, — заметил покупатель.

— Зато спокойно. Георгий Станиславович, я могу спросить?

— Пожалуйста.

— Зачем вам этот древний мотоцикл? Да за такие деньги можно купить отличный внедорожник, при этом новый из салона.

— Вы молоды, поэтому не понимаете, — пожал плечами покупатель. — Да, внедорожников в Москве полно. А вот подобных мотоциклов единицы, а в похожем

* *Корешок* — это то, что мы называем пачкой денег. На самом деле пачка — 10 корешков, 1000 банкнот.

состоянии — возможно, что ни у кого. Вот приглашу друзей к себе на праздник в особняк и покажу, чтоб обзавидовались. Еще и прокачу их. А что до денег, то мне хватает. Солить их? Когда-то я вложился в акции одной компании и зарабатываю даже, когда сплю. От дел я отошел, заняться нечем, решил коллекционировать раритеты. Могу себе позволить. К слову, покупка раритетов неплохая инвестиция, всегда можно продать. Нередко — с выгодой.

Пока они так разговаривали, механик по трапу загнал немецкий мотоцикл в фургон микроавтобуса и стал его крепить.

— Пора мне, — Георгий Станиславович поднялся на ноги. — Спасибо вам, Андрей Сергеевич. Порадовали. Есть просьба. Если добудете еще подобный раритет, звоните. Не надо выставлять на «Авито», мне первому. О цене договоримся.

— А что интересует?

— «Цюндап» трехместный. Чтоб с приводом на колесо коляски.

— Редкий мотоцикл, — сказал Андрей. — Даже в войну их было мало.

— Не покуплюсь. А если попадется «кюбельваген», немецкий джип в хорошем состоянии, то такие пачки, — он указал на упаковку с банкнотами, — получите четыре. Устроит?

— Ну, если попадется, — Андрей развел руками.

Проводив гостей, он загнал «тойоту» во двор, но заезжать в гараж не стал, а только опустил ворота в нем. Заперев калитку, взял банкноты и отнес их в дом, где спрятал в сейф, вмурованный в стену. Сейф прятался за задней стенкой платяного шкафа, чтобы найти его, следовало раздвинуть вешалки с одеждой и вытащить панель. Не знаешь — не найдешь. Покончив с этим, Андрей отправился на кухню, где съел котлету с макаронами, запив ее томатным соком. После чего вернулся в зал и сел за стол перед экраном моноблока. Включив компьютер,

он примерно час листал страницы разных сайтов, затем задумался.

— «Цюндап», — сказал вполголоса. — И где тебя поймать? А «кюбельваген»? Они без сопровождения не ездят. Но двадцать миллионов российскими? Это же четверть миллиона долларов! Они там с жиру бесятся — отдать такие деньги за паршивую жестянку, к тому же старую. Ладно, подумаем.

Андрей несколько кривил душой. В старой технике ему были ненавистны только немецкие кресты — символ ужаса, свалившегося на страну в 1941 году. Сами же аппараты вызывали неподдельный интерес, перенятый от отца и деда много лет назад. Перед продажей раритета обязательно осматривал его сам, ездил на небольшие расстояния, исправлял недостатки — и не только потому что хотел продать дороже. Кашляющий двигатель из-за плохой подачи топлива или заношенной свечи зажигания казался едва ли не живым организмом, нуждающимся в лечении, так повелось с первого дедовского одноцилиндрового мотоцикла ММВЗ.

Мама, в отличие от отца-инженера, к железякам относилась, скажем мягко, без восторга. Она, учительница русского языка и литературы, пыталась воспитать уважение к книгам — не без успеха. Всегда находила цитаты из классиков на все случаи жизни, повторяла: читай книги, в них найдешь любые ответы. Однажды обомлела, когда Андрей отбил выпад ее же оружием, прочитав стихотворные строки современной российской поэтессы Котовской, начинающиеся со слов «Нас книги обманут...».

Эх, папа и мама, будь вы живы, никогда бы больше не задирался, не пытался глупо спорить! Андрей кусал локти, но поздно. В чем-то они остались с ним навсегда, пусть из лучшего мира видят: он и филологом стал, и технику знает, и одновременно не превратился в диванного воина и заучку, отслужив положенное в спецвойсках, откуда вернулся старшим сержантом. Такого, даже на корректорской работе, никто в здравом уме не обзовет ботаником.

Воспоминания... Андрей выключил компьютер, помылся в душе, надел футболку и спортивные штаны, после чего сел на диван и взял со столика пульт телевизора. Запустив Ютуб, некоторое время просматривал на большой панели, висевшей на стене, ролики о мотоциклах Вермахта и «кюбельвагене», пока не надоело. Затем выключил телевизор, почистил зубы в ванной, а из нее направил стопы в спальню. Сняв покрывало с большой кровати, он разделся и залез под одеяло, через минуту крепко спал.

Глава 2

Проснулся Андрей рано. Вскочив с постели, прошлепал в ванную, где избавился от лишнего в организме, после чего умылся и почистил зубы. Натянув на тело спортивные штаны с футболкой и обувшись в кеды, он выскочил во двор, где для начала скоренько размялся, как научили в армии, а затем перешел на перекладину и брусья. Площадку для воркаута сделал сам, сварив снаряды из железных труб. Их прежде не было, как и террасы, мощеного двора, забора из металлопрофиля и крыши из металлочерепицы. Все это Андрей смастерил лично — с помощниками, разумеется, когда они потребовались, но большей частью обходился без посторонних. Вырученных денег от продажи квартиры в Минске не хватало на хороший дом после ремонта в Ратомке, поэтому Андрей и выбрал этот — старый, небольшой, но крепкий. Дом продали наследники пенсионеров, ремонта он не видел лет, наверное, сорок и выглядел заброшенным. Из-за чего не стоил слишком дорого.

На сэкономленные при покупке деньги Андрей приобретал материалы, нанимал помощников, приводя свой особняк в пригодное для жизни состояние. Благо, что умел он многое — научился, работая в бригаде, делавшей ремонты в Минске. На это все ушло два полных года. Как водится, денег не хватило, пришлось идти в банк за креди-

том — на строительные материалы для ремонта единственного жилья их давали без больших проблем под божеский процент. А с кредитом Андрей досрочно рассчитался, когда обрел источник верного дохода. Рискованного, но вдохновляющего. Мотоцикл, который он продал московскому миллионеру, был у него не первым. Предыдущий, без коляски, купили за три миллиона. Хватило с банком рассчитаться, приобрести «тойоту», пускай не новую, но бодрую, несмотря на возраст. И кое-что еще.

Закончив с упражнениями, Андрей полюбовался домом. Стояло солнечное утро, и яркие лучи контрастно обрисовывали новенькую крышу, пластиковые окна, отбрасывали тень на лакированные доски пола на террасе. Не зря возился с ними, как и с остальным. Дом у него, конечно, небольшой, но в нем три комнаты, не считая кухни с ванной и мансарды. Гости к нему пока ездят не часто, но случается же? Как тогда, с коллективом редакции. А если женится, то одна из комнат станет детской. Жизнь только начинается...

Вернувшись в дом, он принял душ, переоделся, позавтракал бутербродами с сыром. Запил их крепким кофе и взял смартфон. Найдя в контактах нужный номер, ткнул пальцем в строчку.

— Кристина, здравствуй! — сказал откликнувшемуся абоненту. — Ничего не поменялось? Спасибо, буду обязательно. Как договорились — ровно в девять. Нет, не забуду. Попробовал бы только! Царица не простит, она такая.

Он засмеялся и закончил разговор. Достал из холодильника помытую морковку и сунул ее в сумочку. Морковка до конца в нее не влезла, остался тонкий кончик сверху. Застегивать молнию Андрей не стал, взял сумочку и вышел с ней наружу. Через четверть часа он подъехал к конюшным клуба. Захватив сумочку, вышел из машины и зашагал навстречу девушке, державшей в руке повод оседланной гнедой кобылки.